

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Д94

Barbara Davis
THE ECHO OF OLD BOOKS

Text copyright © 2023 by Barbara Davis
All rights reserved

This edition is made possible under a license arrangement originating
with Amazon Publishing, www.apub.com, in collaboration with Synopsis
Literary Agency

Школа перевода
В. Баканова

Перевод с английского *Лианы Шаутидзе*

Иллюстрация на обложке *Таусии Шарбьевой*

Дэвис, Барбара.

Д94 Эхо старых книг / Барбара Дэвис ; [перевод с англий-
ского Л. Шаутидзе]. — Москва : Эксмо, 2024. — 448 с.

ISBN 978-5-04-193214-5

1984 год. Владелица букинистического магазина Эшлин Грир об-
ладает редким даром: прикасаясь к книгам, она чувствует «эхо» — от-
голоски эмоций их прежних владельцев. Однажды ей в руки попадают
два странных тома, рассказывающих о трагической любви. Книги не
имеют никаких выходных данных и даже имени автора. Они излучают
сильное эхо горя и предательства. Заинтригованная, Эшлин решает
попытаться разгадать тайну появления этих книг на свет.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-193214-5

© Шаутидзе Л., перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

*Роман посвящается
библиотекарям и книготорговцам...
Хранители воображения,
кормилицы голодных сердец,
сваты письменных слов,
где были бы мы без плодов вашей любви?*

*«Когда я сижу по ночам в своей библиотеке
и смотрю на молчаливые лица своих книг,
меня время от времени посещает
странное ощущение сверхъестественного».*

Александр Смит

ПРОЛОГ

21 июля 1954 г.

Марблхед, Массачусетс

Он прибыл в солнечный летний день — большой конверт из плотной коричневой бумаги с красным штампом «Срочно», дважды отпечатанным на лицевой стороне. Смотрю на этот конверт, лежащий поверх потертого кожаного бювара вместе с остальной дневной почтой. Почерк на бумаге мне знаком, как и имя отправителя.

Откидываюсь на спинку кресла и перевожу дыхание. Даже сейчас, спустя столько лет, воспоминания вызывают трепет. Подобно фантомной боли в ампутированной конечности — когда источник боли исчез, но ее ощущение осталось — мысли о потерянном прошлом всплывают так внезапно и с такой остротой, что застают меня врасплох. Сажусь с этой болью, дожидаясь, пока она утихнет.

Лучи послеполуденного солнца, проникнув сквозь рейки жалюзи в мой кабинет, рисуют полосы маслянистого света на ковре и стенах, на полках, заставленных книгами, наградами и сувенирами, собранными за многие годы. Мое убежище. Однако сегодня, как видно, прошлое нашло меня здесь.

Открываю конверт и вытряхиваю содержимое на рабочий стол. Теперь передо мной — прямоугольный бумажный пакет и небольшой белый конверт с запиской, прикрепленной к нему скрепкой.

Пересылаю, согласно приложенному письму.

Узнаю аккуратный почерк Дикки, моего племянника.

В последнее время мы редко общаемся — с годами наши пути разошлись, — но по-прежнему посылаем друг другу открытки на праздники и дни рождения. Что же он мне прислал?

Достаю из белого конверта единственный листок и кладу его на бювар. Здесь почерк уже не Дикки. Но тоже знакомый. Острые, угловатые буквы, с сильным наклоном. Письмо, написанное призраком.

*Дикки,
после случившегося между мной и твоей семьей ты, несомненно, сочтешь наглостью мою попытку с тобой связаться. Прекрасно осознаю последствия моего разрыва с вами и не хочу снова втягивать тебя в эпицентр событий, но я обнаружил, что есть вопросы, которые спустя столько лет требуют разъяснений. И поэтому должен в последний раз попросить об одной услуге. Прошу тебя переслать прилагаемый пакет твоей тете, поскольку ее местонахождение мне неизвестно. Я предполагаю, что вы все еще поддерживаете связь, ведь ты всегда был ее любимцем, и я помню, как однажды она доверила тебе передачу одного деликатного сообщения. Именно это воспоминание дает мне смелость сейчас обратиться за помощью. Я хотел бы, чтобы посылку не вскрывали перед отправкой, поскольку ее содержимое носит личный характер и предназначено только для глаз твоей тети.*

С глубочайшим уважением и благодарностью,

X.

Смотрю на аккуратно заклеенный пакет, и комната внезапно кажется маленькой, душевной и тесной. Тринадцать лет без единого слова, и теперь, из ниоткуда, — тайная посылка,

ЭХО СТАРЫХ КНИГ

отправленная через нашего давнишнего посредника. Почему сейчас? Для чего?

Я рву грубую бумагу, и руки становятся липкими. Появляется тисненый кожаный корешок. Голубая обложка с мраморным рисунком. Название книги, выведенное золотыми буквами, наносит внезапный удар.

«Сожалеющая Белль».

С усилием сглатываю ком в горле, от волнения перехватывает дыхание. Я так долго пробыла в оцепенении, так старалась не вспоминать, что забыла, каково это, когда тебя режут и ты истекаешь кровью. Собираюсь с духом, откидываю обложку — и прижимаю руку ко рту, подавляя рыдания. Разумеется, внутри есть надпись. Ты никогда не упустил шанса оставить за собой последнее слово. Только я не была готова к тому, что твой голос зазвучит у меня в ушах, когда я стану читать слова, написанные на титульном листе, — стрела, нацеленная прямо в мою совесть.

Как, Белль? После всего... как ты могла так поступить?

ГЛАВА 1

Эшлин

«Нет ничего более живого, чем книга,
которую очень любят».

*Эшлин Грир,
«Уход за старыми книгами
и их хранение»*

23 сентября 1984 г.

Портсмут, Нью-Гэмпшир

Как это часто бывало по воскресеньям после обеда, Эшлин Грир вышла на охоту. На сей раз охота велась в грязной задней комнатке винтажного бутика, расположенного в двух кварталах от «Невероятной истории» — магазина редких книг, которым сама Эшлин владела и управляла почти четыре года.

Вчера ей позвонил хозяин бутика Кевин Петри и сообщил, что парень из городка под названием Рай принес несколько коробок книг, а у Кевина негде их хранить. Не хочет ли она зайти и взглянуть на эти книги?

Далеко не впервые она проводила свой одинокий выходной, роясь в поисках сокровищ. Чаще всего уходила с пустыми руками, но не всегда. Однажды Эшлин обнаружила первое издание «Всех существ, больших и малых», причем книгу, судя по всему, никто даже ни разу не открывал. В другой раз из коробки, набитой старыми кулинарными книгами, ей удалось вызволить первое издание «Потерянного го-

ризонта». Фолиант пострадал от плохого обращения, но после серьезной реабилитации Эшлин получила хорошую прибыль. Такие находки случались нечасто — можно сказать, почти никогда, — но если уж случались, восторг полностью оправдывал все труды.

Сегодняшние коробки, к сожалению, выглядели не особенно многообещающими: в основном недавние бестселлеры Даниэлы Стил, Дианы Чемберлен и прославленного короля слезоточивых романов Хью Гаррета. Авторы, несомненно, уважаемые, но отнюдь не редкие. Вторая коробка содержала более эклектичный набор: несколько книг по здоровью и питанию — одна обещала плоский животик за тридцать дней, в другой рекламировали достоинства макробиотической диеты.

Эшлин действовала быстро, стараясь не держать книги слишком долго в руках, но, возвращая их в коробку, не могла не уловить тонкие вибрации. Эти тома принадлежали человеку, который был болен, напуган и беспокоился об ускользающем времени — почти наверняка женщине.

Таким вот даром, похожим на абсолютный слух или чуткий нос парфюмера, обладала Эшлин. Способность различать звучание, эхо, которое сопутствовало некоторым неодушевленным предметам — а точнее, книгам. Эшлин понятия не имела, как это работает. Она только знала, что все началось, когда ей было двенадцать.

Родители снова ссорились, и Эшлин, выскользнув через заднюю дверь, вскочила на велосипед и яростно крутила педали, пока не добралась до маленького книжного магазина на Маркет-стрит. Тогда этот магазинчик служил для нее островком безопасности — и до сих пор таким оставался.

Его владелец Фрэнк Этуотер, как обычно, приветствовал ее молчаливым кивком. Он знал, каково ей дома — да и все в городе знали, — но ни разу не затронул эту тему, а вместо этого предлагал ей убежище, когда родительские скандалы были совсем невыносимыми. Эшлин никогда не забывала его доброту.

В тот судьбоносный день она сразу направилась в любимый уголок с детскими изданиями. Она помнила всех авторов и названия, а также точный порядок, в котором книги стояли на полках.

Она прочитала каждую из них как минимум один раз. В тот день появились три новые книги. Эшлин провела пальцами по незнакомым названиям: «История доктора Дулитла», «Тайна амулета из слоновой кости» и «Дети воды». Последнюю из них она взяла с полки.

Тогда это и произошло. По рукам и груди пробежала рокочущая волна, заполняя все тело такой печалью, что стало трудно дышать. Эшлин выронила книгу, и та распласталась на ковре у ее ног, как подбитая птица.

Может быть, ей показалось?

Нет. Она и вправду это почувствовала, физически. Боль была настолько реальная и жгучая, что на глазах выступили слезы. Но как?..

Эшлин осторожно подобрала книгу с пола. И на этот раз не отстранилась от нахлынувшего потока. Горло едва не сдавливало рыданиями. Плечи содрогнулись от ощущения потери — огромной, не знающей ни пощады, ни конца. Тогда она еще не знала, что бывает боль, которая охватывает тело, врежется в душу. Эшлин просто сидела и пыталась осмыслить новые чувства.

Наконец тоска затихла, утратив часть остроты. То ли Эшлин привыкла к ощущению, то ли эмоции растаяли и улетели. Она не знала, как именно это произошло, и спустя многие годы все еще не была уверена. Может ли книга изменить свое эхо, или те эмоции, которые она сохранила, навсегда застыли во времени и не могут быть стерты?

На следующий день Эшлин спросила у Фрэнка, откуда взялись новые книги. Он рассказал, что их принесла сестра женщины, сын которой погиб в автокатастрофе. Тогда Эшлин все поняла. Удушающая печаль, давящее ощущение под ребрами — так проявлялось материнское горе. Но ответ на вопрос «как?» все еще ускользал от нее. Действительно ли

можно ощутить эмоции другого человека, лишь прикоснувшись к принадлежавшему ему предмету?

В течение следующих недель она пыталась воссоздать ощущение, наугад доставая книги с полок в ожидании еще одного внезапного всплеска эмоций. День за днем ничего не происходило. Затем однажды она взяла в руки потрепанный экземпляр «Виллетта» Шарлотты Бронте, и мощная волна радости прокатилась по ее пальцам, словно поток прохладной воды, легкой и пенистой, но поразительной по своей интенсивности.

Вскоре попалась третья книга, сборник стихов Эллы Уилер Уилкоккс «Королевство любви». Затхлая мужская энергия книги странным образом противоречила ее романтическому названию, доказывая, что эхо книги не связано с жанром или сюжетом. Скорее, оно было отражением ее владельца.

В конце концов у Эшлин хватило смелости рассказать Фрэнку об эхе. Она боялась его реакции — вдруг он скажет, что она прочитала слишком много сказок? Однако он внимательно ее выслушал, а затем удивил ответом.

— Книги подобны людям, Эшлин. Они поглощают то, что витает вокруг них в воздухе: дым, капли жира, споры плесени. Почему бы и не чувства? Они ведь так же реальны, как и все остальное. Нет ничего более личного, чем книга, особенно ставшая важной частью чьей-то жизни.

Эшлин удивленно округлила глаза.

— У книг есть чувства?

— Книги — это как раз чувства, — просто ответил он. — Они нужны для того, чтобы заставить нас чувствовать. Чтобы связать нас с тем, что внутри, а там иногда скрывается такое, о чем мы даже не подозреваем. Вполне логично, что в процессе чтения некоторые наши эмоции... оставляют следы.

— А ты это умеешь, чувствовать такие следы?

— Нет. Но это не значит, что не умеют другие. Думаю, ты не первая и не последняя.

— Значит, в этом нет ничего страшного?

— Мне кажется, нет. — Он потер подбородок. — Судя по твоему рассказу, это своего рода дар. А дар предназначен для того, чтобы им пользовались. Иначе зачем он? На твоём месте я бы ещё попрактиковался, чтобы понять, как он работает. Тогда ты не испугаешься, когда подобное снова произойдет.

И Эшлин стала тренироваться. А ещё с помощью Фрэнка она кое-что выяснила: оказалось, у этого явления есть название — психометрия. Термин был придуман в 1842 году врачом Джозефом Родесом Бьюкененом, а в 1863 году геолог по имени Дентон опубликовал книгу под названием «Душа вещей». Если вкратце, то Эшлин была своего рода эмпатом, только чувствовала не людей, а книги.

Фрэнк был прав: книги как люди. Каждая несёт свою уникальную, как почерк или отпечаток пальца, энергию, и иногда эту энергию можно ощутить.

Эшлин провела ладонями по джинсам, пытаясь стереть печаль, которая просочилась в её пальцы из коробки с кулинарными книгами. То была обратная сторона её так называемого дара. Не все отголоски — радостные. Как и люди, книги испытали свою долю душевной боли — и, как люди, они многое помнили.

С годами она научилась ограничивать свое взаимодействие с книгами, наполненными негативным эхом, а также избегать определенных изданий. Но иногда увернуться от этого было невозможно, как, например, сегодня. Облегчить свою задачу она могла лишь одним способом — действовать как можно быстрее.

В последней коробке оказалось ещё несколько романов, все в отличном состоянии, но для её магазина ничего не подошло. Затем, на дне коробки, Эшлин наткнулась на издание книги Кадзуо Исигуро «Остаток дня» в мягкой обложке.

Ничего особенного: довольно потрепанная обложка, страницы сильно пожелтели, корешок помят. Но сквозь все это прорывалось мощное эхо. Заинтригованная, Эшлин положила книгу себе на колени, прижав ладонь к обложке.

Иногда она играла в такую игру: пыталась угадать, есть ли внутри дарственная надпись, и если да, то что в ней сказано.

Ей нравилось представлять, как та или иная книга попала в руки читателя. Почему именно эта и по какому случаю? День рождения или выпускной? Повышение по службе?

За годы она прочитала множество дарственных надписей: одни были милыми, другие забавными, а некоторые настолько пронзительными, что на глаза наворачивались слезы. Было что-то восхитительно интимное в том, чтобы, открыв книгу, увидеть несколько строк на форзаце, как будто тебе дали возможность заглянуть в чувства самого издания, не имеющие ничего общего с автором, а целиком и полностью связанные с читателем.

Без читателя книга была чистым листом, предметом без дыхания и пульса. Но, едва став частью чьего-то мира, она оживала, обретала прошлое и настоящее, а при правильном уходе — и будущее. Эта жизненная сила всегда оставалась в книге, ее энергетическая сущность соответствовала духу владельца.

Некоторые книги, особенно сменившие нескольких владельцев, обладали смешанными голосами, и такие читать было труднее всего. Как раз такое впечатление Эшлин получила от экземпляра «Остатков дня»: сильные, многослойные эмоции. В книгах вроде этой почти всегда есть дарственная надпись. И когда она откинула обложку, ее догадки подтвердились.

Мой дорогой!

Честь — это не кровь или имя.

Честь — в том, чтобы быть смелым и отстаивать правду. Ты, любовь моя, всегда выбирал путь чести. Ты всегда можешь этим гордиться так же, как я горжусь человеком, за которого вышла замуж.

Кэтрин.

Это было похоже на какое-то заверение, слова утешения, предложенные мятущемуся сердцу, но книга излучала тяжелое и тоскливое ощущение, что-то вроде сомнений вместе

с отголосками вины и сожаления, которое намекало на то, что «дорогой», кем бы он ни был, совсем в этом не убежден.

Эшлин закрыла книгу, решительно отложила ее в стопку «неподходящее» и потянулась за последним экземпляром в коробке. Когда она достала его, в груди разлилось тепло: возможно, наконец-то обнаружено нечто стоящее. Книга тонкая, но очень красивая. Крышки отделаны на три четверти сафьяном с голубой бумагой в крапинку, ребристый корешок.

Эшлин затаила дыхание, рассматривая находку. Почти новенькая, не поврежденная. Переплет — судя по всему, ручной работы, — плотный и ровный. Обрез слегка пожелтел, но в остальном — в хорошем состоянии. Она взглянула на тисненую золотую надпись на корешке. «Сожалеющая Белль». Незнакомое название. Эшлин нахмурилась, продолжая изучать книгу. Имя автора не указано, названия издательства тоже нет. Странно, хотя и такое встречается. Однако что-то было *не так*.

Книга ощущалась странно тихой. Молчала, будто совершенно новая, на которой владелец еще не оставил эха. Нежеланный подарок, оставшийся непрочитанным? Эта мысль расстроила Эшлин. Как можно не читать подаренные книги! Она откинула переплетную крышку в поисках страницы с авторскими правами. Таковой не оказалось, а вот дарственная надпись была.

Как, Белль? После всего... как ты могла так поступить?

Эшлин уставилась на единственную строчку. Почерк неровный, слова заостренные, точно осколки, призванные резать и ранить. А в пробелах между словами, как и в многоточии, застыла печаль, отчаяние от вопроса, оставшегося без ответа. Под надписью ни имени, ни даты — очевидно, получателю они не требовались. Значит, человек близкий. Скорее всего, возлюбленная или супруга. *Белль*. Имя словно взывало с обложки. Возможно, получательница книги — тезка главной героини? А даритель — автор?

Заинтригованная, Эшлин начала перелистывать страницы в поисках имени писателя или названия издательства, но